

НИКА СОЗОНОВА

НА ДВА
ГОЛОСА

18+

Ника Созонова

На два голоса

«Автор»

2026

Созонова Н.

На два голоса / Н. Созонова — «Автор», 2026

Маленькая повесть о любви. Один из самых заветных моих текстов. Два голоса, сливающиеся в один. Похоже на сказку, на выдумку, но я почти уверена, что порой, хоть и редко, такое случается.

© Созонова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ника Созонова

На два голоса

Пролог

- Теперь ты меня никогда не оставишь.
- Теперь не смогу. Но ведь и ты не сможешь уйти. Даже если захочешь.
- Не захочу.
- Глупышка. Нам теперь самое место в психушке. Нас ждет ледяная вода на бритую голову и костоломы-санитары.
- (Смеется) Ты отстал от жизни. Теперь там не так мрачно.
- Я пошутил, я ведь знаю точно, как там. Не мрачно? Как сказать. Уколычики трижды в день и въедливые доктора, убеждающие тебя, что меня не существует.
- Положим, уколычики тебе всегда нравились. А убедить меня в чем-то не просто, так что им придется сильно постараться.
- Пусть так. Но психлечебница до скончания дней меня все равно не прельщает.
- Значит, мы будем тихими. Аутичными и тихими психами, и нас не заметят.
- Не психами – психом.
- Да, как-то так. Сложно привыкнуть, правда?
- Мне легче. Меня ведь уже нет.
- Ты всегда выбирал более простые решения. Трусил?
- Неправда. Хочешь, вспомним, как все начиналось? Я буду рассказывать, а ты поправишь в случае чего.
- И как продолжалось? Пережить все сначала? Заманчиво.
- Ты бы хотела пройти наш путь еще раз?
- Только с тобой на пару. Начинай, я поддержу.

1

День выдался отвратительно ясным и солнечным. Когда внешнее так дисгармонирует с внутренним, становится совсем паршиво. Я разлепил веки с ощущением, что по черепу колотят кувалдой, а в нем самом так пусто и просторно, что каждый удар звенит царь-колоколом. Солнечный луч, пробившийся сквозь разводы грязи на стекле, ощупывал правый глаз. Медленно его поджаривал и щипал.

Я отодвинулся и уперся спиной во что-то живое и, даже на ощупь, противное. Судорожно сглотнув, стал медленно поворачиваться, стараясь при этом в деталях вспомнить прошедший вечер.

Как обычно, мы пересеклись с Клоуном и Скобой. Была очередь последнего, и бабла у него оказалось прилично: видимо, опять увел и загнал одну из материнских побрякушек. Представив сытое ухоженное лицо, перекосившееся от злости: 'Вор, изверг, убийца, наркош проклятый!!!', я внутренне усмехнулся. Сам я никогда не таскал ни денег, ни вещей у родни – да и не у кого было особо таскать: в живых осталась одна тетка, пребывавшая в полном неведении относительно моего образа жизни. Я приезжал к ней раз в год на день рождения, стриженный, выбритый и отглаженный (каких бы усилий мне это ни стоило), и уверял, что у меня все отлично. ('Похудел? Тени под глазами? На двух работах вкалываю, тетечка. Зато все есть!') Впрочем, я отвлекся.

*** – Нет, рассказывай все, это интересно. Можешь еще добавить о своих друзьях, для полноты картины.

– Всеу свое время. Я ведь поведал тебе о них значительно позднее, так что давай не отступать с дороги. ***

Промелькнули лица в памяти: одно круглое и красное, другое узкое и землистое. Мы достали три дозы, как всегда, и шырнулись в ближайшем подъезде. У нас был давний уговор: как бы ни ломало, колемся только вместе и раз в день, чтобы протянуть подольше. Но в последнее время я нередко нарушал оба правила. Думаю, они тоже. Взаимно щадя самолюбие, мы не акцентировали на том, что выглядим все хуже и опускаемся все ниже. Мы ведь крайне долго держались: начали в восемнадцать, а в этом году мне должно было стукнуть двадцать восемь. Почти десять лет для героинщика – огромный стаж.

Вмазавшись, мы разошлись – тоже как обычно. Делать было особо нечего, и я направил стопы назад к Бормотухе – в притон, где обитал последние два месяца. Бормотуха – старая алкоголичка, готовая за пузырь портвейна приютить у себя хоть роту солдат. (Странно, как она до сих пор не пропила свою хату.)

У кого-то выдалась днюха, и народу набилось немеряно. Полуголые девки, мужики – в большинстве незнакомые. Обычно под дозой я не пью, но тут наливали слишком настойчиво. Как следствие – быстрый провал. В нем зыбко колыхалось женское лицо – черт не разобрать, которое я целую, почти грызу... Получается, вчера я с кем-то переспал. Это плохо. У меня СПИД, и заражать им кого-то, пусть и последнюю шлюшку, в мои планы не входит.

Преисполненный самых дурных мыслей, развернулся наконец к сопящему рядом туловищу. Окатила волна облегчения: Крыська! Зараза еще та. Именно от нее подхватил когда-то эту смертельную дрянь. Вечно лезет ко мне, когда напьюсь – знает, что трезвым я ее близко не подпущу. Сейчас я был искренне рад, что это она, а не кто-то другой. Но даже радость не пересиливала отвращение, поэтому, не слушая сопротивлявшееся тело, привел себя в вертикальное положение и пополз на кухню.

Под раковиной, свернувшись калачиком и распространяя вокруг себя характерное амбре, спала хозяйка притона. Тошная, как после Освенцима, всегда в рванье, Бормотуха могла пребывать лишь в двух состояниях: пьющей и спящей. Не видел, чтобы она ела, умывалась, причесывалась или что-то в этом роде. Нет, вру: еще участвовала в разборках, дико визжа, царапаясь и пинаясь.

Няя, одна из постоянных 'жилиц', меланхолично ковырялась в тарелке с чем-то рыхлым и грязно-желтым.

– Утро, Найт! – она приветливо улыбнулась.

Самая юная из здешних обитателей – всего семнадцать. И самая вменяемая: из наркоты употребляет лишь травку и галлюциногены. Приехала летом поступать в художественно-промышленный вуз, притащила свои поделки – феньки из бисера, игрушки из войлока, гобелены – не догадавшись вместо этого запасться деньгами. А вернее, их не имелось – семья нищая. Естественно, не поступила, да так и зависла здесь, в этом гадюшнике, куда ее притащил один конченный мерзавец. Сам он быстро свинтил, а девчонка осталась, и падает со свистом, сама того не ведая. Скоро до опиумных дойдет, уверен.

– Утро, – собственный голос наждаком драл гортань. – Что вчера было – не напомнишь?

– Как обычно: пьянь, ор и драка.

– Я участвовал?

– Нет, в тот момент ты был уже Крыськой занят.

Меня передернуло.

– А дальше что было?

– Не знаю, я ушла гулять. Здесь невозможно было оставаться. Зато ночью с таким мальчиком познакомилась... – Она мечтательно повела глазами.

Глаза у нее сельские – светло-голубые, водянистые. И нос сельский, с бледными веснушками на переносице. Длинные пшеничные волосы все в мелких косичках, с вплетенными бусинами, колокольчиками и кусочками цветного войлока. Это мудро – не нужно тратить на мыло или шампунь. Пальцы крепкие, рабочие, с квадратными ногтями без маникюра.

– Не встречайся с ним – он мудака.

– Почему?

– Кто еще разгуливает ночами по городу и знакомится с такими, как ты?

– Сам ты мудака.

– Я и не спорю.

Я шагнул к раковине, наступив по пути на Бормотуху. Чертыхнулся. Она на миг очнулась, пробормотала что-то – но не матерное, а дружелюбное. Давно заметил, что хозяйка хаты отчего-то питает ко мне теплые чувства. Раз даже попробовала назвать 'сыночком', но я так ответил, что повторять уже не решилась.

*** – По-моему, ты слишком затянул вступление. Может, ближе к делу? Стоит ли так подробно все и всех вспоминать?

– То тебе нужно подробно, то нет. Определилась бы? Бурчалка. Можно, я хоть свое отражение подробно опишу? В то утро оно было достойно кистей мастеров древности. Я был прекрасен...

– Ты всегда был прекрасен.

– Но в тот день особенно.

– Ладно, уговорил. Вспоминай со всеми подробностями. ***

Глаза, когда-то казавшиеся мне – и девушкам – блестящими, зеркально-кариыми и выразительными, превратились в мутные бутылочные осколки, спрятавшиеся под набрякшими веками. Красные от полопавшихся сосудов белки тоже не добавляли шарма. Волосы сбились

в колотун мышинового цвета, щеки украшала рыжеватая, словно свиной бок, щетина, а губы покрывала белесая корка. Картину дополнял отколовшийся кусочек верхнего резца (я поцарапал о него язык, пытаюсь определить размеры ущерба).

– Ну как? Доволен собой? – ехидно поинтересовалась Няя.

Покончив с бурдой (и как только не вытошнило?), она закурила. А чтобы не терять времени даром, принялась прямо на себе ставить очередную вышивку-заплатку на единственные джины. Она всегда что-то мастерила – не феньки, так лоскутные юбки немислимых фасонов и расцветок.

– Красавчик! И посмей только сказать, что нет.

Я плюхнулся на табуретку и налил в стакан выдохшегося пива из полторашки, закатившейся под батарею. Няя поморщилась.

– От тебя запах такой...

– Грязный и смрадный, без тебя знаю. Угости сигаретой!

– Обломишься.

Она ответила вяло, без огонька, и, расценив это как разрешение, я цапнул одну из ее пачки и с наслаждением прикурил.

– А жизнь-то налаживается...

– Это пока тебя ломать не начало. Потом начнется ползание на брюхе и уговоры: 'Ну, Няечка, ну, пожалуйста, дай денег ... – Она запищала, изображая мои просящие интонации. – Я все верну, в самый-самый последний раз...'

– Кстати, всегда было интересно: откуда ты берешь бабло?

– Чтобы спонсировать тебя?

– Чтобы существовать самой.

– Работаю. В отличие от тебя. Мои прибабашечки берут в сувенирную лавку. И на базаре тоже.

'Прибабашечками' она называет феньки, игрушки, лоскутные картинки и коврики. Подозреваю, что она феерически одарена – из любого мусора может сделать маленький шедевр.

– И что же тогда до сих пор на обратный билет не заработала?

Спрашивая, знаю ответ, и оттого чуток стыдно: заработанное Няей бабло тут же вытрясают из нее обитатели притона, вроде меня. К тому же творить изделия здесь невозможно, она занимается этим в соседнем скверике, а сейчас зарядили дожди.

– Послушай, Найт, – она только взглядом дает понять, какое же я лицемерное дерьмо, – ты ведь самый вменяемый из здешней тусни. Неужели никогда не пробовал выбраться из этой помойки? Бросить наркоту, устроиться куда-нибудь...

– Завести жену и пяток ребятишек, тачку, собаку и мебель Икея?.. Ты забываешь: во-первых, у меня СПИД, а 'значит, мы умрем'. Во-вторых, каждый проматывает жизнь по-своему, на свой вкус. Кто-то зарабатывает себе геморрой в офисе, елозя задницей по стулу и пресмыкаясь перед начальством, а кто-то методично гробит свой организм бухлом или наркотой. И тот и другой конец – один. Так зачем растягивать то, что не в кайф? Дольше – не значит счастливее.

– Что-то я не наблюдаю в твоей жизни особого счастья, – протянула Няя, с удовлетворением разглаживая свежевешитый лепесток цветика-семицветика на коленке. – Одно саморазрушение.

Джины в цветочках и птичках были хороши. Даже грязные. Но ей мало украшать себя – вот и на окне в кухне веселенькие лоскутные занавесочки (о которые жильцы и гости вытирают руки, а то и сморкаются), и вокруг лампочки плетеный абажурчик.

– Тебе милее самосовершенствование? Которое есть онанизм, как сказал герой Чака Паланика в 'Бойцовском клубе'. Так что аутодеструкция рулит.

– В институте ты вроде не доучился, где же таких умных слов накопал?

– Читаю много.

– И когда только время находишь? Вроде перерывов между пьянками-ширянием-траханьем-ломками-грабежами у тебя не замечается.

– А я как Цезарь, все успеваю.

– Да? Что-то не шибко вы с ним похожи. Внешне, во всяком случае. Жалко мне тебя, Найт, – она протянула руку и потрепала меня по грязным волосам. Вышло неловко, и Няя порозовела – там, где веснушки. – Может, все-таки выкарабкаешься еще, а?

– На хер мне твоя жалость. У меня все отлично, себя пожалей. Рассуждаешь о помойке, а сама в ней по уши. Живешь в клоаке, дожدهшься, что на иглу посадят или по кругу пустят. – Настроение стремительно падало. Начало подташнивать и знобить – верные признаки приближающейся ломки. – Ладно, забей. Как у тебя с баблом?

– Нету. Правда, нету, – она виновато развела руками.

Мог бы и не спрашивать: при бабле не стала бы жевать протухшую кашу.

Мелькнула мысль: а ведь найдись нормальный мужик – не наркош, не уголовник, – возьми ее к себе или сними квартиру, так она бы и себя кормила, и его, и мамочке еще посылала. С ее-то талантищем. А может, она сама на это надеется? Совсем смешно, если на меня рассчитывает – в качестве такого вот мужика. Я хмыкнул.

– Чего смеешься?

– Смешинка в зубах застряла. Нету так нету. Тогда натягиваю смокинг и линяю.

Не люблю выглядеть совсем уж бомжом, потому на приведение себя в порядок потратил рекордно долгое время – аж целых двадцать минут. Даже побрился ржавым станком, найденным в ванной. Итог: колотун наполовину срезан, наполовину расчесан, глаза чуть выползли из спальных мешков век, кожа порозовела. Стал выглядеть не наркоманом в начальной стадии ломки, а перебравшим вчера до свинского состояния студентом. Правда, встать под душ сил уже не было, да и свежего белья, что естественно, в хламнике не завалилось.

– Передай Крыське, когда проснется, чтобы больше сюда не приходила. Еще раз увижу – убью нахрен, – бросил я Няю у порога.

Она закивала. Но я знал, что не скажет – не любит ни с кем ссориться.

– Если улов будет хорошим, принеси что-нибудь пожрать.

– Отвали, а? Оторви задницу от стула, сполосни рожу и топай сама бабло заколачивать.

– И куда же я пойду? Не видишь, осень началась?

– А хоть на панель. Этому осень не помеха.

Мата в свой адрес я уже не расслышал, быстро захлопнув дверь.

*** – Ты всегда был таким грубым с девушками?

– Не всегда, но часто. Тебя это беспокоит? В тот момент мне было паршиво, и с каждой минутой становилось паршивее. Это не оправдание?

– Наверное, нет. Впрочем, не знаю: мне и раньше было сложно судить твои поступки. А сейчас особенно.

– Ладно. Не перебивай так часто, иначе я никогда не закончу. ***

Погода, как я уже говорил, выдалась до отвращения солнечной. Сразу заболели глаза. Идти было трудно – штормило после вчерашнего плюс первые звоночки ломки. Сегодня была моя очередь проплачивать дозы (еще один уговор: платим по очереди, вариант 'нет денег' не принимается – только если тюрьма, или больница, или морг).

У Клоуна имелась жена, точнее, сожительница, из которой ему удавалось порой вытрясти – в прямом и переносном смысле – немного лавэ. К тому же он работал: что-то сторожил ночь через ночь. Скоба жил с состоятельными родаками, которые его любили и ненавидели. Они периодически укладывали сынка в платные клиники (тогда он, соответственно, пропускал

свои очереди), но, выходя, он начинал по новой. Он не хотел бросать, как и мы с Клоуном, а на клинику соглашался, чтобы чуть подправить организм. Мое положение было хуже всех: ни богатеньких папеньки и маменьки, ни супруги, ни даже работы. Я то воровал, то грабил, то занимал (без отдачи) у Няи или кого-нибудь столь же сердобольного. Грабил обычно в подъездах, поджидая жертву на последнем этаже или в лифте.

Сегодня удалось обойтись без гоп-стопа: несмотря на дрожащие пальцы сумел разжиться мобилкой из призывно не застегнутой сумочки. Знакомому барыге отдал Нокию за три дозы, хотя штучка была новенькая и стоила намного дороже.

Все было как всегда, даже парадная та же. И как обычно мы почти не говорили друг с другом. Сидели, прислонясь хребтами к исписанным стенам, рядом с вонючим мусоропроводом. Смаковали кусочек вырванного из здесь и сейчас бытия. Не столько кайф, сколько расслоение реальности. Мозг, привыкший к постоянному стимулированию, только тогда чувствовал себя нормально, когда ему подсовывали такую вот синтетическую иллюзию рая. При этом мыслительные способности замедлялись, буксовали, и отчего-то зудела кожа: ее постоянно хотелось расчесывать. Но даже это было приятным.

*** – Не хочу слушать, как тебе было кайфово на игле. Такое ощущение, что ты ностальгируешь.

– Глупости. Опять ты бурчишь. Ладно, не буду тебя расстраивать. Давай сразу про то, как я тебя увидел. ***

Я вывалился из подъезда глубоким вечером. Парни слиняли раньше, я и не заметил, когда. Дурман по-прежнему окутывал голову, но жутко затекли ноги. Пришлось встать и брести неведомо в какую сторону. В притон возвращаться не хотелось: очень уж там погано, да и вчерашняя гульба наверняка закрутилась по новой.

Ты шла впереди, метрах в десяти, и бодро трещала что-то в телефон. Одна на совершенно пустой улице. Это был такой шанс... Не искать через три дня денег на новые дозы, купить жратвы себе и Няе – совсем забыл сегодня поесть. Правда, пока не хотелось, точнее, голод был слабым, но чуть позже прихватит, я знал.

*** – То есть ты решил меня ограбить, чтобы не умереть с голоду? Это так романтично.

– Издеваешься, да?

– Нет, что ты. Я абсолютно серьезна. (Смеется.) Вспомни, лучше, какой я тебе показалась.

– Со спины?

– Ну да. Лица же ты еще не видел.

– Обычная. Две ноги, две руки. Бежевый плащ. Светлые волосы до плеч. Телефон у левого уха.

– Во-первых, плащ был синим. А во-вторых, неужели ты совсем ничего не почувствовал?

– Нет. Тогда еще нет. Я могу продолжать?..***

Я нагнал тебя, когда ты собиралась поворачивать во двор. Прижал к горлу нож (всегда таскал его в кармане, исключительно в пугательных целях – такой тупой, что даже бумагу не разрежет) и потребовал, не оборачиваясь, отдать всю наличность, телефон и драгметаллы – в виде украшений. Ты зачем-то подняла руки, словно это ты преступник, а я мент, а затем, наплевав на нож, обернулась. И я как-то разом, в одну секунду понял. Осознал, что передо мной человек, без которого я впредь существовать не смогу, не буду. Не смогу дышать, не смогу думать. И еще пришла мысль, что глупо держать нож у твоего горла, и я сложил его и убрал в карман.

*** – И всё?

– Нет, еще промелькнуло: как хорошо, что ты девушка. Иначе пришлось бы становиться гомиком, а я их с детства не слишком жалую.

– А как же разряд тока, мгновенно поразивший обоих?..

– А разве мы стояли возле трансформаторной будки или ухватились за оголенный провод? Может, к лучшему, что обошлось без этого, а то наша история закончилась бы, толком не начавшись.

– Все шутишь! Ты же понял, о чем я.

– О да. Ты хочешь, чтобы все было красиво и пафосно, как в сладких книжках с розовыми обложками. Я бы мог выдумать и про ток, и про хор ангельских голосов, но к чему? Я же не романтический герой, а настоящее все равно круче, чем любой глянец.

– Я знаю. Я просто тебя подначивала. Хор ангельских голосов – это было бы как-то...

– Пошло – ты это слово искала? Пусть будет хор мальчиков-кастратов. Или хор мартовских кошек – на выбор.

– Пусть. Правда, тогда был сентябрь.

– Тогда хор пьяных забулдыг из соседней подворотни 'Ой, мороз, моро-о-оз...'

– Ладно, хватит насмешничать над святым.

– Хватит так хватит. Теперь твоя очередь. Так что можешь вспомнить хоть канкан серафимов, если у тебя такое было.

– Я не буду придумывать. Буду излагать честно, как и ты. Итак, начинаю... ***

В прошлые выходные мне стукнуло тридцать два. У меня была пристойная и теплая семья: отец, мама и две младшие сестренки. Одна – похожая на весенний цветок мать-и-мачеху, вся в рыжих кудряшках, веснушках и смешках, а другая – строгая леди-льдинка с тонкими губами и очень прямой спиной.

*** – Да, ты пошла издалека. А еще меня упрекала в излишней обстоятельности!

– Издалека – если бы я начала со свадьбы моего дедушки с моей бабушкой. А так – это все важно и все относится к делу, так что не перебивай. ***

Выглядела я, кстати, моложе своих лет. Больше двадцати пяти никто не давал. Работала искусствоведом в модной галерее. Общалась с массой интересных людей, как из элиты, так и из богемы. Меня нельзя назвать комнатным растением, всегда была упорной и самостоятельной, но родители вырастили нас с такой нежностью и заботой, что жила с убеждением: наш мир – лучший из миров. Глупо и наивно, да, но я обещала все честно. Я чаще смеялась, чем плакала или задумывалась. Была, наверно, поверхностной – для своих солидных лет, из-за того, что мне почти все удавалось. Жизнь, что называется, улыбалась моей скромной особе. Чем-то я ей, видимо, нравилась. В двадцать шесть вышла замуж – правда, без особой страсти, скорее по дружбе. Через три года мы расстались – тоже без страстей и трагедий, и дележа имущества... Ладно, я чувствую, тебе уже изрядно надоела моя самопрезентация, так что перехожу к сути. Все это я описывала, чтобы ты понял, насколько твоя персона выламывалась из всего, что меня окружало. Другая стороны планеты. Ты знаешь, что она существует, но и представить не можешь, кто там живет и как.

То утро началось неважно. Обиделась лучшая подруга: оказывается, я не отмазала ее перед мужем, когда она бегала на очередную свиданку. Моей вины было мало – она не удосужилась предупредить, что, когда позвонит ее благоверный, я должна ответить: супруга в ванной и подойти не может.

– Ты, Алька, чудовище, – ревела она в трубку, так, словно я увела у нее любимого мужчину. – Знаешь, как мне досталось?! Он же у меня зверюга. Ну, неужели не могла догадаться

– с твоим-то образованием и интеллектом, не могла придумать что-нибудь?.. Сама как рыба холодная живешь, ни мужа, ни любовников – так нормальных женщин, с кровью в жилах, а не с газировкой, понять не способна!.. Ханжа, чистенькая зануда...

И так на протяжении сорока минут. Под конец я не выдержала и со словами: 'Лерка, не надо на меня навешивать проблемы со своим боровом! Никто тебя за шкуру не тянул и иголки под ногти не загонял – под венец шла добровольно', отключилась. Спустя две минуты пришла смс-ка: 'С таким отношением общаться с тобой больше не желаю. Не звони – занесла твой телефон в черный список, для тебя всегда будет занято!!!'

На работе поначалу тоже было мало радостного. Досталось от директора галереи, что не готов текст для буклета очередной выставки. И здесь я была невинна – модный художник не соизволил дать о себе пару-тройку биографических сведений, как я ему ни названивала и ни умоляла, – но разве начальству есть до этого дело? Шеф злобно шипел – кричать не позволяла интеллигентность, а я, как всегда в таких случаях, отключилась, представив, что лежу на пляже где-нибудь в Анталии или на Гоа. Утопаю в белоснежном песке, пятки лижет лазурный прибой, кожа пахнет медом, солью и солнцем. Правда, какая-то жирная чайка крикает (или что там они делают?) невдалеке, но это мелочи. При этом внешне, потупив глазки, я кивала в такт его словам с видом кающейся Магдалины.

Нов обед случилось хорошее. Новый зам по художественной части – высокий харизматичный брюнет в расцвете карьеры и мужского обаяния – наконец заметил ненавязчивые знаки внимания, которые я оказывала ему на протяжении последней недели, и пригласил в субботу в ночной клуб. Я была в эйфории: персонаж идеально вписывался в образ потенциального спутника жизни: успешный, холостой, немного старше, мужественный и ироничный. Мое семейство давно посматривало на меня косо и втайне сочувствовало (если точнее, три года, прошедших после развода) из-за моей самодостаточности и неустроенности в личном плане. Обе сестрички имели семьи – Нонка возилась с двумя пацанами-погодками, а Лизка носила в животе первенца. А я ведь была старшей. Не то чтобы меня существенно огорчало мое аутсайдерство в плане 'женского счастья', но неприятный осадок присутствовал. Я даже в гости к сестричкам выбиралась реже, чем мне и им хотелось, чтобы не мучиться лишний раз от некрасивого чувства – зависти. Именно поэтому, а вовсе не от внезапно вспыхнувшей неудержимой страсти и начала я планомерную осаду нового зама.

*** – Такое впечатление, что ты оправдываешься.

– Вовсе нет. Я лишь анализирую, объясняю что-то самой себе – и тебе заодно. Тогда мне казалось, что о взаимоотношениях полов я знаю всё. Стоит надавить на нужные рычаги в мозгу мужчины – вести себя так, а не иначе, говорить то, а не другое – и обязательно добьешься нужного результата. Тем более что окружающие уверяли меня, что ни мозгами, не внешностью я не обделена – прости за нескромность. (Смеется.)

– Относительно последнего возражений не имеется... ***

После работы поехала к Лизке – она давно зазывала к себе, обижаясь на невнимание. Да и самой хотелось поболтать, погладить растущий животик – на счастье. Беременность мало кому идет, но сестренке она была к лицу. От всего облика так и веяло уютом и домашностью. Заботливый до приторности супруг носился вокруг нее сайгаком: 'Солнышко, ты не устала? Заинька, может, чаю налить? Кисонька, давай сгоняю в магазин за чем-нибудь сладеньким или соленьким?..' Со спазмами зависти я кое-как справилась, но, когда он ретировался в свою комнату ('Не буду вам мешать, лисички-сестрички, секретничайте вволю!'), вздохнула с облегчением.

– Как твой театр? Проживут без тебя годик?

Мы устроились на кухне, я потягивала кофе, сестра – минералку.

– Мне кажется, шеф даже обрадовался моему уходу в декрет. Еще бы: самая скандальная актриса дает им передышку от своего вздорного общества! А там, глядишь, и помягчает – с рождением малыша.

– Он тебя плохо знает.

– Естественно. Хотя вдруг и правда изменюсь? Стану милой, ласковой и пассивной, как медуза. Такая, знаешь, переливчатая, вальяжная... никакая.

– Только не ты!

Сама мысль, что моя сестренка – в детстве первая драчунья во дворе, задира и хулиганка – превратится в нечто подобное тому, что она описала, заставила нас хохотать до колик. Так, что даже супруг озабоченно выглянул из своей норки: 'Лапонька, тебе вредно так напрягать мышцы живота – может быть выкидыш!..'

Я просидела у них допоздна, спохватилась часов в одиннадцать. Нужно было добираться на другой конец города, а райончик, где я снимала квартиру, тот еще, наркоманский.

*** – Это камушек в мой огород?

– В чей же еще? На самом деле на нашей улице действительно страшновато ночью. Я не раз уже подумывала о перемене квартиры, да все руки не доходили.

– Вот уж не замечал.

– Ты просто смотрел под другим углом. С той стороны, откуда страшно.

– Тонкое замечание. Ладно, продолжай. Ты подходишь к самому интересному.***

Меня уговаривали остаться на ночь – Лизка искренне, супруг – с наигранной заботой. Но я страшный консерватор и могу уснуть лишь в своей родной постельке, пристроив голову на свою наволочку, пахнущую лавандой. Поэтому я вежливо отказалась и откланялась.

На выходе из маршрутки позвонила мама, обеспокоенная, что я сбежала от сестры на ночь глядя (настучала, вредина). Я ее успокаивала, заодно поведав о долгожданном приглашении в ночной клуб. Надо заметить, от мамочки у меня нет секретов, она постоянно в курсе моих сердечных и прочих дел. Мамуля горячо за меня порадовалась, мы позубоскалили немного на тему о тугодумии мужчин. К слову, она поделилась очередной забавной историей про папу – он у нас кабинетный ученый, и с ним то и дело случаются всякие казусы, которые сам он, впрочем, воспринимает легко. Мы болтали до поворота в мой двор, где я, со словами: 'Вот я и пришла, мамочка, спокойной ночи!', отключилась и запихнула мобильник в сумку. И тут почувствовала холод у горла и зловещий шепот в правое ухо. Я не успела как следует испугаться и принялась на автомате поворачиваться, помня главный завет отца: 'Опасность надо встречать лицом к лицу'. Думаю, папа имел в виду нечто иное, но рефлекс сработал. Так я увидела тебя.

*** – Вот оно, наконец! Ну, и?.. Шибануло током? Запели тонкими голосами крылатые мальчики?..

– Ни тока, ни мальчиков – я же обещала не врать. Просто сразу все сложилось. ***

Как складывается картинка из отдельных кусочков – мозаика, пазл. С тихим щелчком последняя деталь встала на место. Главная деталь. Солнце – если это пейзаж, или глаза – если портрет. Я увидела часть себя, по каким-то нелепым причинам оказавшуюся отдельно. Меньшую, большую или равновеликую – не важно. До этого я, оказывается, жила неполной и даже не подозревала о своей ущербности.

А ты стоял как дурак. Потом нерешительно убрал в карман нож, помолчал и выдал:

– Ну, я пошел.

Ничего себе... Меня обьял ужас. Вот сейчас ты просто уйдешь, исчезнешь. И как это непоправимо глупо, и неужели ты ничего не понял? А если понял, почему уходишь?..

Я ведь видела твои глаза. И была уверена: ты почувствовал то же. Случившееся – случилось с обоими, обрушилось на ОБОИХ.

Кажется, я вцепилась в рукав твоей куртки. Куртка была грязной и влажной, в бетонной крошке и еще в чем-то. Она была тебе велика, шея, торчавшая из ворота, казалась неправдоподобно тонкой, как у подростка.

– Ты куда, зачем?!

– Домой, – ответил ты тупо.

Ты двигался – медленно, но упорно. Я скользила, вцепившись в тебя, как буксируемая машина.

– Может, зайдём ко мне? Я в этом доме живу. У меня душ есть, и холодильник полный, и чай горячий... – Я не знала, как тебя остановить, чем завлечь, и лепетала полную ерундовину.

Наконец, ты остановился. Лицо перекошено, взгляд затравленного зверя.

– Что тебе от меня нужно?! Я наркоман и преступник. Я тебя только что чуть не ограбил. А ты в свой дом тащишь. Совсем крыша поехала?..

*** – Ты меня когда-нибудь простишь за тогдашнюю грубость? Представляю, как это выглядело с твоей стороны. Я до жути испугался и хотел лишь одного: добраться до хаты, смертельно напиться и никогда-никогда не вспоминать случившееся. Я ведь не мечтал о большем, чем прожить оставшийся мне промежуток времени так же, как жил до этого. Я ничего не мог тебе дать. Меня, просто по определению, не должно было быть в радиусе ста метров от тебя.

– Давно простила. К тому же ты ведь пошел со мной в конце концов.

– Твой дар убеждения тому виной. Да и спорить с двумя намного тяжелее, чем с одним.

– С двумя?..

– Вторым был я сам. Та часть меня, что прекрасно понимала: даже бухая семь лет подряд, я не сумею выгнать тебя из души и памяти. ***

Ты сидел в ванной, а я намыливала твои плечи. Ты стеснялся меня, и потому залез в воду в трусах. Худой, очень худой, но не до дистрофии. Тогда ты уже кололся в шею – настолько сузились, ссохлись вены на руках и ногах... Правое плечо и бок покрывала черно-красная татуировка: тугие змеиные кольца венчала человеческая голова в короне из перьев. А волосы, стоило их вымыть, оказались тонкими и легкими, как у ребенка.

Мне страшно хотелось прижаться к тебе, обнять, но когда я попыталась это сделать, ты отстранился и хмуро пробормотал:

– У меня СПИД. Не вирус – а сама болезнь. Я не буду с тобой спать, ни с презервативом, ни без. Не верю в абсолютную защиту. В относительную, впрочем, тоже.

Мне стало больно. А потом немного обидно. Я вовсе не пыталась тебя домогаться, просто требовалось хоть как-то излить нежность. Ошеломительную, незнакомую прежде – ни с кем из моих мужчин. (Которых и было-то, не считая мужа, два-три от силы.)

Мы долго говорили с тобой в ту ночь. Я забралась с ногами на тахту, а ты уселся на пол, положив голову мне на колени. Некоторые твои суждения меня пугали, а взгляды на жизнь казались извращенными и дикими. Ты был умен, хотя последние десять лет методически убивал свой мозг. Ты был зол на весь мир, и, судя по всему, это было взаимно. Я удивилась, когда ты назвал свой возраст – почти двадцать восемь. Выглядел ты лет на семь больше. Получалось, что я старше тебя, на целых четыре года.

Мы договорились, что раз уж так вышло и друг без друга мы уже не сможем – то не станем пытаться что-то изменять в себе, перекраивать одного под другого. Надо сказать, это было твое предложение, а мне ничего не оставалось, как согласиться. Я лишь спросила, не можешь ли ты попробовать слезть с иглы, если я тебе помогу. Ты коротко ответил: 'Нет', и больше мы к

этому не возвращались. Тогда я попросила, чтобы ты хотя бы не грабил. Моей зарплаты хватит тебе на дозы, а вот если тебя посадят, что мне останется делать? 'Я не сяду', – был столь же короткий ответ. А потом мы заснули.

*** – Заснули поверх одеяла, свернувшись двумя калачиками, как дети или детеныши животных в норе. И моя ладонь была под твоей щекой, а твоя так и застыла, запутавшись в моих волосах.

– И нам приснился сон, один и тот же – обоим.

– В нем было озеро с ярко-зеленой цветущей водой и лес по его берегам. Деревянный дом стоял на золотистых сваях, торчавших посреди воды. Ты была непохожая на себя, словно героиня фильма-фэнтези. Высокая, с льняными косами, сидела на крыльце и любовалась бликами солнца в ленивой воде. И я был другой – крепкий, широкоплечий, с густой порослью на груди, со шрамом поперек лица. Стоя за твоей спиной, перебирал короткими, словно сигары, пальцами блестящий шелк выбившихся из кос прядей. Мы знали друг друга миллион лет, потому молчали. Каждый знал, что чувствует другой, о чем он думает в этот момент, чем дышит. Но мне все же хотелось удивить тебя...

– Поэтому ты неожиданно толкнул меня в спину, и я полетела в воду. И ты в тот же миг прыгнул вослед. Наш полет бесконечен: чем ближе мы к зеленой озерной глади, тем она дальше. Ведь Ахилл никогда не догонит черепаху. ***

2

Проснулся я поздним утром. Тебя не было. На подушке осталась вмятина от твоей головы, в ней лежали записка и ключи. Поражаясь такой наивности и доверчивости, я усмехнулся: бери, что хочешь – ноутбук, музыкальный центр, ценные безделушки – и никаких проблем со взломом или соседями. Неужели не слышала, что ради дозы наркоман готов на все?..

В записке было две фразы: "Я ушла на работу, квартира в твоём распоряжении, еда в холодильнике. Мне страшно подумать, как смогу прожить девять часов без тебя".

Первым был всплеск злости: ну зачем, с какой стати ты куда-то ушла?! Его сменила острая боль – от невозможности увидеть тебя сию же секунду.

Я принялся искать следы твоего существования – так алкоголик в завязке пытается напиться квасом или кефиром. Вот несколько светлых волос на расческе – значит, ты линяешь, радость моя, сбрасываешь летнюю шкурку к зиме. Фотка над зеркалом: ты в обнимку с пожилым мужчиной. Должно быть, отец – седой, с залысинами, в очках, лицо растерянное и доброе. Я перебрал стопку фильмов, которые ты смотрела, погладил корешки книг, что стояли на книжной полке, перелистал журнал по искусству на столике в изголовье. Мне хотелось знать о тебе всё. Каждую деталь, каждый смешной пустяк.

*** – И что же ты сумел узнать обо мне?

– Немало. Например, что инфантильности в тебе больше, чем прагматизма. Ты дружелюбна, но ни с кем не сближаешься тесно, сохраняешь дистанцию. Твоя семья для тебя – крепкий замок, крепостная защитная стена. Ты бежишь в нее с каждой, даже пустяшной проблемой – чтобы лишний раз ощутить, как тебя ценят и любят. А еще у нас с тобой оказался разный вкус – и фильмы, и книги я предпочитаю другие.

– Из тебя вышел бы хороший психолог.

– Когда хочешь что-то узнать, достаточно просто научиться видеть. У меня было время постичь эту нехитрую науку. ***

Я хотел дождаться тебя. Звал мысленно, упрашивал поторопиться. Хотя в записке ты ясно написала: "девять часов", то бишь не раньше шести. Время неумолимо приближалось к часу "X". Я должен был быть на нашем месте, ты же помнишь, как это важно. И я ушел. Да еще и ключи забыл – видимо, это сделало мое подсознание, во избежание соблазна.

Была очередь Клоуна. Облюбованный нами подъезд оказался на домофоне (видно, терпение жильцов кончилось), пришлось искать другой. Вдобавок не подфартило с товаром: добытый герыч был разбодяжен какой-то редкостной дрянью. Я чуть не отбросил коньки, вколов себе сгоряча больше обычного. Часа полтора парни приводили меня в чувство. "Скорую" не вызывали – я бы за такое не похвалил.

Когда чуток оклемался и выполз наружу, мир вокруг отчаянно плавал и колыхался. На ногах стоял с трудом, дышать мог через раз. Меня прислонили к ближайшей стеночке, да там и оставили. Я не был в обиде: у каждого своя жизнь, по сути, мы давно чужие друг другу люди. На месте Клоуна и Скобы сделал бы то же. Но в тот момент я был, к сожалению, на своем.

Стена оказалась прохладной и влажной, но лучше от соприкосновения с ней не становилось. Я думал только о том, как добраться до тебя. Вернее, пытался думать: в голове булькала каша, рыхлая и несъедобная. В глубине сознания понимал, что твой дом где-то недалеко – в пешей доступности. Но отскрести себя от точки опоры и сделать шаг казалось невыносимой по трудности задачей.

Во двор ввалилась толпа местной гопоты. Бритые наголо, в тупоносых ботинках – то ли skinsы, то ли просто агрессивные подростки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.